

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2373](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2373)

А. И. Литвинова

**НЕ ОТМЕНА ТРАДИЦИЙ, А ДОПОЛНЕНИЕ.
КАК СЛЕДОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ ПРОГРЕССУ
МЕНЯЕТ СОСТАВ И ПРАКТИКИ ЖУРНАЛИСТСКИХ РЕДАКЦИЙ.
РЕЦ. НА КН.: KOSTERICH A. (2022) NEWS NERDS: INSTITUTIONAL
CHANGE IN JOURNALISM. OXFORD: OXFORD UNIVERSITY PRESS**

Правильная ссылка на статью:

Литвинова А. И. Не отмена традиций, а дополнение. Как следование технологическому прогрессу меняет состав и практики журналистских редакций // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 350—360. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2373>. Рец. на кн.: Kosterich A. (2022) News Nerds: Institutional Change in Journalism. Oxford: Oxford University Press

For citation:

Litvinova A. I. (2023) Not the Abolition of Traditions but an Addition. How Following Technological Progress Changes the Composition and Practices of Journalistic Editorial Offices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 350–360. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2373>. Book Review: Kosterich A. News Nerds: Institutional Change in Journalism. Oxford: Oxford University Press, 2022. (In Russ.)

Получено: 11.01.2023. Принято к публикации: 27.02.2023.

НЕ ОТМЕНА ТРАДИЦИЙ, А ДОПОЛНЕНИЕ. КАК СЛЕДОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ ПРОГРЕССУ МЕНЯЕТ СОСТАВ И ПРАКТИКИ ЖУРНАЛИСТСКИХ РЕДАКЦИЙ. РЕЦ. НА КН.: KOSTERICH A. (2022) NEWS NERDS: INSTITUTIONAL CHANGE IN JOURNALISM. OXFORD: OXFORD UNIVERSITY PRESS

NOT THE ABOLITION OF TRADITIONS BUT AN ADDITION. HOW FOLLOWING TECHNOLOGICAL PROGRESS CHANGES THE COMPOSITION AND PRACTICES OF JOURNALISTIC EDITORIAL OFFICES. BOOK REVIEW: KOSTERICH A. NEWS NERDS: INSTITUTIONAL CHANGE IN JOURNALISM. OXFORD: OXFORD UNIVERSITY PRESS, 2022

ЛИТВИНОВА Александра Игоревна — магистрантка направления «Социология», Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: alitvinova@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5102-0429>

Aleksandra I. LITVINOVA¹ — Master Student in Sociology
E-MAIL: alitvinova@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5102-0429>

¹ European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Технологический прогресс не изменил суть журналистской профессии, но стал основой для ее институционального расширения. К такому выводу приходит автор книги «News Nerds: Institutional Change in Journalism» Элли Костерич. Она описывает сотрудников современных профессиональных редакций, работающих на стыке журналистики и технологий, и то, как они меняют профессию. В рецензии представлены основные вопросы, поднятые исследовательницей, описана методология ее исследования, приведены ключевые выводы.

Abstract. Technological progress has not changed the essence of the journalistic profession but has become the basis for its institutional expansion. This is the conclusion reached by the author of the book “News Nerds: Institutional Change in Journalism” Ellie Kosterich. She describes the employees of modern professional editorial offices working at the intersection of journalism and technology and how they change their profession. The review presents the principal issues raised by the researcher, describes the methodology of her research, and provides key conclusions.

Ключевые слова: профессионализм, журналистика, профессиональные нормы, технологии, методы исследований

Keywords: professionalism, journalism, professional standards, technologies, research methods

«Новостными занудами» («news nerds») автор книги, доцент Фордэмского университета Элли Костерич, называет сотрудников современных профессиональных редакций, работающих на стыке двух когда-то очень далеких друг от друга сфер деятельности — журналистики и технологий. Эти специалисты умеют писать код, анализировать и визуализировать данные, разрабатывать приложения. По мнению Элли Костерич, они изменили институционализированный взгляд на журналистскую профессию. В своей книге, опубликованной в октябре 2022 г., она

рассказывает, как «новостные зануды» меняли и продолжают менять редакции, а также исследует, как технологические, экономические и социальные факторы влияют сегодня на журналистскую профессию.

Автор книги обращается к актуальной для международного и российского научных сообществ теме, которая, с одной стороны, затрагивает вопросы профессиональной идентичности сотрудников медиа (а с ней ценностей, профессиональной культуры и норм), с другой же — ставит вопрос о компетенциях и возможных профессиональных траекториях современных журналистов (и тех, кто только готовится встать на этот путь).

Словосочетание «новостные зануды», которое Э. Костерич использует не только в заголовке, но и в тексте для обозначения журналистов, обладающих определенными технологическими навыками, не является устоявшимся в академическом сообществе. Об этом свидетельствует небольшое количество релевантных научных публикаций, выдаваемое по соответствующему запросу¹. При этом вопросами «взаимопроникновения» журналистики и технологий на протяжении последних лет в различных аспектах занимаются многие исследователи: технологии и журналистика [Pavlik, 2000; Jones, Salter, 2011; Deuze, 2017]; журналистика и программирование [Karlsen, Stavelin, 2014; Gynnild, 2014; Carlson, 2015], журналистика и искусственный интеллект [Broussard, 2015; Latar, 2015; Newman, 2018], журналистика и визуализация данных [Appelgren, Nygren, 2014; Howard, 2014] и многие другие. Повышенный интерес к этому направлению обусловлен активным расширением технологических достижений в общественное, экономическое, политическое, медийное и другие пространства.

Этот процесс меняет привычный ход многих вещей, в том числе вносит коррективы в устоявшиеся журналистские практики. Отметим, что словосочетание «news nerds» еще в 1999 г. использовал Джоэль Саймон в публикации «Все мы теперь зануды: революция цифрового репортажа достигает невероятной скорости. И вот почему». Уже более 20 лет назад он утверждал, что будущее принадлежит репортерам, разбирающихся в компьютерах: доступные для сотрудников ньюсрумов базы данных откроют «огромные ресурсы» — от записей о недвижимости до жертвований на избирательные кампании и отчетов в налоговые; компьютеры станут меньше и мощнее; подключение к интернету будет быстрее, а коммуникационные технологии сделают всех людей еще доступнее; пейджеры, сотовые телефоны с поддержкой электронной почты позволят всегда оставаться в «пределах слышимости редактора» [Simon, 1999: 26]. И вот это будущее наступило. Что же изменилось в ньюсрумах?

О чем книга

В самом начале работы Элли Костерич задается вопросом: редактор отдела данных и графики, продюсер цифровой графики, старший дата-репортер — это журналисты? Ответ на него, по ее мнению, зависит от того, кого именно вы об этом спросите [Kosterich, 2022: 2]. Автор поясняет, что за последнее десятилетие (2010—2020 гг.) в США восприятие того, каким именно должен быть про-

¹ В базе данных научных публикаций Scopus по запросу «news nerds» нашлось 12 документов (причем часть из них не касались журналистской профессии). URL: <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 24.11.2022).

фессиональный журналист, изменилось: роли, ответственность и навыки, которые принимает и которыми должен обладать журналист, теперь фундаментально иные, нежели в «традиционной» (телевидение, радио, печатная пресса), как ее принято называть, журналистике. Упомянутые выше «новостные зануды» — профессионалы, которые работают на пересечении традиционной журналистской и технологической сфер [ibid.: 3]. Автор называет их «институциональным дополнением профессии» [ibid.: 26]. Такое сочетание, как утверждает Э. Костерич, делает работу по производству новостей более удобной и эффективной. Исследовательница подчеркивает, что такие специалисты остаются включенными в ранее сложившиеся рабочие процессы «традиционной» журналистики [ibid.: 3]. Главный вывод, к которому пришла автор в ходе своего исследования, заключается в том, что технологический прогресс не изменил суть журналистской профессии, но стал основой для ее институционального расширения. То есть, пишет Э. Костерич, существующий профессиональный институт можно считать дополненным и в некотором роде обновленным, и это позволяет обеспечить сосуществование качественно и количественно отличающегося нового направления (например, «новостных зануд») [ibid.: 3].

Автор неоднократно подчеркивает, что обозначенное расширение позволяет гармонично сосуществовать двум «журналистикам» — традиционной и цифровой. Она отмечает, что новостные организации все чаще интегрируют «новостных зануд» в отделы новостей, они расширяют границы традиционной, институционализированной журналистской профессии, но при этом не вытесняют «традиционного журналиста» [ibid.: 8]. Отчасти это связано с нехваткой ресурсов — как организационных, так и финансовых [ibid.: 116]. Костерич указывает, что появление и достижение текущего институционального статуса «новостных зануд» обусловлено четырьмя основными факторами: «разрушительные силы, меняющие устоявшиеся практики индустрии новостей и допускающие появление новых игроков»; экспериментирование и внедрение новых форм профессии журналиста; легитимизация и проникновение «новостных зануд» во все отрасли [ibid.: 8].

Э. Костерич пишет, что с продолжающимися технологическими преобразованиями, экономическими колебаниями и изменением социальных предпочтений возникает необходимость институционального расширения профессии журналиста и, следовательно, самих новостных организаций, если они хотят выжить, процветать и сохранять свою роль в информировании общества. Столкновение старого и нового, особенно через институциональное расширение профессии журналиста, отражает ключевые опасения по поводу сохранения роли журналистики в обществе, отмечает исследовательница. Она подчеркивает, что ситуация с «новостными занудами» иллюстрирует, что для выживания журналистики она должна найти новые способы удовлетворения потребностей аудитории и новые способы представления ей информации [ibid.: 118].

Автор книги отмечает: актуальность сделанных ею выводов об институциональных изменениях выходит за рамки новостной индустрии, а результаты представленного исследования проливают свет на результаты институциональных изменений, в частности на понимание того, когда что-то новое реально, когда это становится тенденцией, а когда занимает позицию где-то посередине (как

в случае с институциональным расширением) [ibid.: 116—117]. При этом для автора «совершенно очевидно», что состав профессии изменился с ростом известности и распространенности «новостных зануд». По ее мнению, описываемые ею институциональные изменения в профессии не приводят ни к вытеснению старого, ни к быстротечному появлению нового [ibid.: 118]. Важным видится вывод автора, что по мере развития институциональных изменений «новостные зануды» не подверглись полной институционализации до такой степени, чтобы вытеснить традиционных журналистов. Вместо этого институт журналистской профессии был обновлен и дополнен, чтобы обеспечить сосуществование как старых, так и новых форм журналистской деятельности. Этот аргумент и связанные с ним выводы имеют глубокие, по мнению исследовательницы, последствия для роли журналистики в обществе: предлагают задуматься о процессах, необходимых для поддержания журналистики и ее способности информировать свою аудиторию [ibid.: 118].

Данные и методология

В своем исследовании Э. Костерич использует разнообразный набор методов, включающий интервью, анализ данных о занятости в социальных сетях, анализ участников и текстовый анализ отраслевых публикаций, профессиональных наград и конференций, чтобы понять, как новые навыки и практики закрепляются в журналистской профессии. Методологический подход к оценке институциональных трансформаций в профессии журналиста излагается в специальном разделе книги («Data and Methods»). Здесь Э. Костерич поясняет, что все данные были собраны с 2011 по 2020 г., в критический период изменений, когда профессиональная журналистика и новостная индустрия находились «в разгаре борьбы с дестабилизацией» [ibid.: 125], в свете продолжающихся технологических изменений и связанных с ними «сбоев» в процессах производства и потребления новостей стал актуальным вопрос распространения новых профессиональных ролей в журналистике и наборов навыков. Своей целью автор поставил «рассказать историю», в которой сочетаются индивидуальные, организационные и институциональные аспекты, чтобы объяснить, как и почему профессия журналиста претерпевает институциональное расширение [ibid.: 125]. Для достижения этой цели автор использует смешанный подход, в котором комбинирует качественные и количественные методы. Качественный анализ данных включает обработку проведенных интервью, собранных архивных материалов отраслевых изданий, программ профессиональных конференций, отраслевых премий, включенное наблюдение. Анализ социальных сетей построен на базе историй работы сотрудников новостных организаций Нью-Йорка. Исследовательской основой для количественного анализа стали данные отраслевых премий, открытые данные организаций, истории трудоустройства авторов. Э. Костерич отмечает, что использование различных источников данных вкуче со смешанными методами позволяет провести триангуляционный процесс сравнения, анализа и интерпретации, это обеспечивает более тонкое понимание институционального усиления феномена исследования «новостных зануд» [ibid.: 125—126]. С одной стороны, такое разнообразие методов как будто обещает читателю всестороннее освещение обозначенной темы.

Однако при ближайшем рассмотрении возникают вопросы — как к методологии сбора, так и к источникам данных.

Основными источниками данных для представленного в книге исследования стали публикации в отраслевой прессе, полуструктурированные интервью с профессиональными журналистами, общедоступные истории трудоустройства, списки вакансий журналистов, программы конференций по профессиональной журналистике, архивы наград новостной индустрии, наблюдения за участниками отраслевых конференций и две базы данных организационных исследований. Набор данных по отраслевым материалам сформирован по архивам «ведущих отраслевых изданий новостной индустрии», включая Columbia Journalism Review (CJR), Digiday, Nieman Journalism Lab и Poynter Online. В этой части своего исследования автор работы сосредоточилась на ключевых, по ее мнению, терминах, отражающих меняющуюся природу профессиональной журналистики. Она указывает, что выбор терминов основывался на проведенных ею интервью. Итоговый список для анализа включал публикации, в которых упоминалось одно из следующих ключевых слов: «данные», «приложение», «аналитика», «программист», «платформа», «взаимодействие», «интерактивное», «графика», «социальное», «мобильное» или «визуальное» сотрудничество.

Чтобы понимать детали и процессы, влияющие на институциональные изменения в профессиональной журналистике, исследовательница провела «полуструктурированные глубинные интервью» с представителями отрасли. Ее интервью фокусировались на профессиональном развитии «новостных зануд» и значимых для них профессиональных качествах и навыках. Выбор такого метода для достижения поставленных целей представляется обоснованным. При этом Э. Костерич пишет, что «в основном интервью длились около 30 минут», отсюда возникает вопрос, действительно ли это были глубинные интервью, предполагающие погружение в реальность другого человека и его представления по всем вопросам, входящим в исследование [Minichiello, Aroni, Hays, 2008]. Также кажется странным указание на то, что часть интервью была анонимной, а часть нет. Почему бы не анонимизировать всех участников исследования, что позволило бы уравнивать их позиции при оценивании и публикации результатов исследования? Насколько можно доверять авторизованным данным? Является ли собранная из таких источников информация полной и соотносимой с данными, полученными от анонимных источников?

Кроме того, есть вопросы и к выборке интервьюируемых. Всего за четыре года исследовательница собрала 25 интервью. Э. Костерич отмечает, что ее собеседники отбирались из работников «широкого спектра новостных организаций». Все они на момент интервью работали в медиа разного типа с разным региональным статусом (есть как местные и региональные, так и международные издания). В этом месте возникает вопрос, достаточно ли для репрезентативности такое количество интервью? Удалось ли исследовательнице учесть разнообразие профессиональной среды в разного типа и статуса изданиях? Кроме этого, автор указывает, что героями 23 интервью стали те, кого она называет «новостные зануды» [Kosterich, 2022: 27]. В другой части книги отмечается, что помимо этой категории специалистов автор побеседовала с менеджером и руководителем по раз-

вitiю [ibid.: 128—129]. Возникают сомнения, что такая выборка и количество проведенных интервью дали исследовательнице полное представление о ситуации (особенно с учетом неоднородности экономического, социального и политического ландшафта США, которая, несомненно, влияет и на особенности работы разных медиа в разных штатах). Эти сомнения подкрепляются также информацией о том, что первых интервьюируемых автор книги определила «на основе широкой сети профессиональных контактов; последующие субъекты были определены на основе рекомендаций, полученных в ходе первоначальных интервью» [ibid.: 27]. Метод «снежного кома» существенно ограничивает взгляд исследователя на заявленную проблему и не позволяет сделать вывод о ситуации в отрасли в целом.

В своем исследовании Э. Костерич также анализирует программы журналистских конференций [ibid.: 129—130]. Она указывает, что выбрала три ведущих профессиональных конференции, которые ежегодно проходят в США (NICAR, ONA, SPJ). Исследовательница собрала названия выступлений и описания всех трех конференций с 2011 по 2020 г. — всего 3266 документов, в которых содержалась информация по 3268 сессиям и 14 819 выступлениям, насчитывающим 140 730 слов (при исключении артиклей и союзов). Проведенный анализ был сфокусирован на следующих словах в заголовках: «данные» (data), «аналитика» (analytics), «продукт» (product). Все заголовки и тексты были проанализированы на распространенность употребления терминов. Остается неясным, почему автор выбрала именно эти ключевые слова. В описанном выше анализе ключевых, по мнению исследовательницы, терминов, отражающих меняющуюся природу профессиональной журналистики, указано много больше слов, что представляется нам более соответствующим реальному разнообразию в этой сфере.

В качестве одного из методов Э. Костерич указывает включенное наблюдение [ibid.: 131]. Этот метод предполагает исследование группы людей в ее естественной и повседневной среде и позволяет изучать мотивации группы через ее деятельность [Гирц, 2004; Эванс-Причард, 2003]. Автор же описывает, что в течение «последних лет» она посещала «некоторое» количество профессиональных мероприятий — конференций и воркшопов, которые были посвящены теме изменений в журналистике и новостной индустрии в целом, и это помогло ей обрисовать контекст исследования. Э. Костерич отмечает, что ее «наблюдения за участниками различных конференций для новостных закулисных и отраслевых совещаний предоставили бесценный контекст и контакты для изучения этого явления» [Kosterich, 2022: 27]. Как нам представляется, такой подход существенно ограничивается профессиональными (а не исследовательскими) интересами автора и не может дать полной и объективной картины по исследуемому вопросу. Возможно, более эффективным с точки зрения сбора эмпирических данных было бы включенное наблюдение, проведенное в редакциях, где работают (или не работают, чтобы была более полная картина для сравнения) «новостные закулисные». Это, вероятно, позволило бы существенно дополнить (а может, и разнообразить) данные, собранные методом полуструктурированных интервью с представителями профессиональной отрасли.

Еще один источник данных для проведенного исследования — истории опыта [ibid.: 131—136]. Под ними автор книги подразумевает информацию о профессиональном опыте редакций и индивидуальном профессиональном опыте сотрудни-

ков редакций, которую редакции и их сотрудники оставляют в открытом доступе. Всего было выбрано 15 редакций Нью-Йорка — газеты, телекомпании и интернет-СМИ, которые имеют свои страницы в профессиональной социальной сети LinkedIn. Публикации о профессиональном опыте собирались и отбирались с помощью агрегатов публичных данных (Pew Research Centre's State of the New Media, the American Society for News Editor Newsroom Employment Census) и из LinkedIn, в последнем важна была информация о работодателе, профессиональных ролях, навыках и образовании сотрудника редакции. Отметим, что автор описывает и рассматривает интересующие ее отраслевые изменения в контексте Нью-Йорка (медиарынок города и взаимодействие новостных редакций с другими редакциями в пределах города). Здесь возникает вопрос корректности переноса выводов по наблюдениям в рамках одного города на более глобальный уровень (в книге автор не делает акцента, что ее исследование сосредоточено на медиасреде одного города). Также вызывает вопрос соответствие такого подхода целям исследования и корректность сопоставления с данными, собранными в других географических границах (ранее указывалось, что автор анализировала конференции с участием специалистов со всей страны (и не только), а также интервью с представителями редакций, действующих за пределами Нью-Йорка). Кроме того, есть определенные сомнения, что результаты, полученные при анализе данных крупных и влиятельных медиа крупного американского города, релевантны для всей индустрии (даже в пределах тех же США).

Качественный анализ архивных данных был проведен параллельно со сбором интервью и архивных данных индустрии прессы, чтобы контекстуализировать институциональные изменения с акцентом на журналистской профессии [ibid.: 136—137]. Данные включенного наблюдения с воркшопов и конференций использовались для подкрепления интерпретаций. Созданный автором книги набор данных из архивных отраслевых материалов включает отраслевые публикации, организационные документы и списки вакансий. Он послужил отправной точкой для отслеживания институциональных изменений на рабочих местах, в навыках, ролях и опыте журналистов. Проведенный Э. Костерич анализ более чем 320 отраслевых документов и 8000 списков журналистских вакансий показал дестабилизацию и деинституционализацию устоявшихся профессиональных журналистских практик, открытость для экспериментирования, легитимизацию «новостных зануд» и распространение специалистов такого профиля по всему миру. Для анализа изменений в профессиональной журналистике и в развитии «новостных зануд» с 2011 по 2016 г. использовалась стратегия нарративного подхода. В этом месте важно обратить внимание на то, что автор отклоняется от ранее определенного и применяемого в других методах временного промежутка исследования (2010—2020). Автор указывает, что собранные нарративы выявили «ключевые события и ключевых игроков», связанных с профессиональной журналистикой и изменениями, что позволило реконструировать и контекстуализировать укрепление позиций «новостных зануд» в качестве представителей новых видов журналистских профессий.

Еще раз от выбранной для исследования временной рамки Э. Костерич отступает в описании анализа социальных сетей. Автор выбирает сетевые истории — публичные истории трудоустройства журналистов в Нью-Йорке, опубликованные в пери-

од с 2011 по 2015 г. Выбор такого промежутка не обосновывается, но указывается, что эти истории «помогли понять» изменения профессиональных требований, предъявляемых к журналистам, а также их перемещения по различным должностным позициям, между организациями и индустриями [ibid.: 137—138]. Также автор отмечает, что ею создан «уникальный» набор данных о занятости журналистов, позволяющий составить представление о найме и структуре занятости «новостных зануд» в рамках общей журналистской сети [ibid.: 28]. В такой анализ вошла информация, находящаяся в открытом доступе в социальной сети LinkedIn, — должности, названия организаций, даты трудоустройства, сведения об образовании были собраны для построения истории занятости каждого сотрудника в определенных новостных редакциях. Это позволило автору проанализировать организационные, образовательные и профессиональные траектории современных профессиональных журналистов. В общей сложности используемый набор данных включает сведения о 3587 журналистах, 11 117 рабочих местах в 3303 организациях и 8749 случаев, когда сотрудник покидал одну компанию и переходил на работу в другую.

В своей работе автор также прибегает к количественному анализу данных с помощью множественной линейной и биномиальной логистической регрессии [ibid.: 138—141].

Выводы

Представленное исследование Э. Костерич, несомненно, представляет интерес для тех, кто интересуется настоящим и будущим журналистской профессии, задается вопросами определения границ профессии, а также влиянием различных факторов (в том числе технологических) на вектор ее трансформации и изменения профессиональных стандартов и норм. Исследование является своевременным и достойным внимания, в нем довольно четко определяется актуальная исследовательская проблема. Предложенные автором методы подходят для изучения проблематики, но, возможно, стоило бы изменить подход к их применению и указать на существующие ограничения дизайна исследования. В книге изложены и объяснены ключевые выводы по итогам представленной работы, которые могут стать основанием для дальнейшего изучения темы.

Процессы обновления и дополнения журналистской профессии, обеспечивающие сосуществование «старой и новой» журналистики, на которые указывает автор книги, заметны и в российской медиаиндустрии [Kosterich, 2022: 124]. Э. Костерич отмечает, что продолжающееся технологическое развитие, экономические колебания и изменения социальной среды определяют необходимость в институциональном расширении профессии журналиста. Она подчеркивает: в случае с «новостными занудами» это означает нечто большее, чем просто акцент на новейших технологиях. Автор пишет, что новостная индустрия продолжает бороться с вызовами современного цифрового общества, и это способствует возникновению существенных стратегических изменений в новостных редакциях. Эти изменения, по ее словам, происходят за счет имплементации культуры инноваций и деловой грамотности, практик управления карьерой для нетрадиционных пока наборов профессиональных навыков, а также внедрения принципов разнообразия, справедливости и вовлеченности работников медиа (там же).

Список литературы (References)

- Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
- Geertz C. (2004) The Interpretation of Cultures. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. М.: Восточная литература. Evans-Pritchard E. (2003) A History of Anthropological Thought. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.)
- Appelgren E., Nygren G. (2014) Data Journalism in Sweden: Introducing New Methods and Genres of Journalism into “Old” Organizations. *Digital Journalism*. Vol. 2. No. 3. P. 394—405. <https://doi.org/10.1080/21670811.2014.884344>.
- Broussard M. (2015) Artificial Intelligence for Investigative Reporting: Using an Expert System to Enhance Journalists’ Ability to Discover Original Public Affairs Stories. *Digital Journalism*. Vol. 3. No. 6. P. 814—831. <https://doi.org/10.1080/21670811.2014.985497>.
- Carlson M. (2015) The Robotic Reporter: Automated Journalism and the Redefinition of Labor, Compositional Forms, and Journalistic Authority. *Digital Journalism*. Vol. 3. No. 3. P. 416—431. <https://doi.org/10.1080/21670811.2014.976412>.
- Deuze M. (2017) Understanding Journalism as Newswork: How It Changes, and How It Remains the Same. *Westminster Papers in Communication and Cultur*. Vol. 5. No. 2. P. 4—24. <https://doi.org/10.16997/wpcc.61>.
- Gynnild A. (2014) Journalism Innovation Leads to Innovation Journalism: The Impact of Computational Exploration on Changing Mindsets. *Journalism*. Vol. 15. No. 6. P. 713—730. <https://doi.org/10.1177/1464884913486393>.
- Howard A. B. (2014) The Art and Science of Data-Driven Journalism. Tow Center for Digital Journalism, Columbia University. <https://doi.org/10.7916/D8Q531V1>.
- Jones J., Salter L. (2011) Digital Journalism. London: Sage.
- Karlsen J., Stavelin E. (2014) Computational Journalism in Norwegian Newsrooms. *Journalism Practice*. Vol. 8. No. 1. P. 34—48. <https://doi.org/10.1080/17512786.2013.813190>.
- Kosterich A. (2022) News Nerds: Institutional Change in Journalism. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197500354.001.0001>.
- Latar N. L. (2015) The Robot Journalist in the Age of Social Physics: The End of Human Journalism? In: Einav, G. (ed.) *The New World of Transitioned Media. The Economics of Information, Communication, and Entertainment*. Cham: Springer. P. 65—80. https://doi.org/10.1007/978-3-319-09009-2_6.
- Minichiello V., Aroni R., Hays T. N. (2008) In-Depth Interviewing: Principles, Techniques, Analysis. Melbourne: Pearson Education Australia.
- Newman N. (2018) Journalism, Media and Technology Trends and Predictions. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism.

Pavlik J. (2000) The Impact of Technology on Journalism. *Journalism Studies*. Vol. 1. No. 2. P. 229—237. <https://doi.org/10.1080/14616700050028226>.

Simon J. (1999) We're All Nerds Now: The Digital Reporting Revolution Is Reaching Warp Speed. Here's Why. *Columbia Journalism Review*. Vol. 37. No. 6. P. 19.